

Классические евразийцы о цивилизационной идентичности России

П. Я. Циткилов

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Для цитирования: Циткилов П. Я. Классические евразийцы о цивилизационной идентичности России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 256–267. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.206>

Философско-мировоззренческое осмысление проблемы цивилизационной идентичности России приобретает особую актуальность в связи с сохранением евразийского цивилизационного надлома, возникшего в конце XX в. Для подготовки нового цивилизационного проекта важно использовать теоретическое наследие видных российских мыслителей, включая классиков евразийства. Целью статьи является объективный анализ классического евразийства, осмысление его важнейших положений с учетом современных реалий российского общества. Используя историко-философскую методологию, критический анализ, методологию цивилизационных теорий, автор статьи обосновывает вывод о научной значимости евразийской концепции цивилизационной идентичности России. В системном виде рассмотрены такие ее компоненты, как восприятие России-Евразии в виде целого цивилизационного континента, равноправного Европе; идея «симфонической личности» в евразийской культуре; идея общеевразийского национализма; идея утверждения социальной справедливости; положение об укреплении религиозной стихии для усиления духовного начала и др. В статье дан критический анализ некоторых суждений исторических евразийцев, включая их идею абсолютизации роли государства, теорию «потенциального православия» и др. Важным выводом служит положение о том, что евразийство является не учением, враждебным Западу, а иным, незападным научным восприятием исторической судьбы и цивилизационного развития России. На конкретных примерах обосновывается вывод о необходимости отличать справедливую критику классического евразийства от упрощенных и во многом необъективных его оценок. Осмысление наследия классиков евразийства необходимо для выработки социального проекта культурно-цивилизационного возрождения Российской Федерации и всего ареала Северо-Востока Евразии.

Ключевые слова: историческая Россия, Северо-Восток Евразии, классические евразийцы, цивилизационная идентичность, евразийская концепция.

Распад Советского Союза привел к надлому культурно-цивилизационной общности исторической России. Влиятельная часть постсоветской политической и интеллектуальной элиты поспешила признать единую цивилизационную общность окончательно распавшейся и переставшей существовать. Был активизирован процесс поиска новой культурной идентичности. Тогда преобладающей стала *версия западного, европейского цивилизационного облика России*. Но с годами значительное

число граждан страны стали воспринимать Россию не европейской, а евразийской цивилизацией¹.

Определенный поворот в сторону *евразийского цивилизационного самосознания народа* объясняется рядом факторов. Во-первых, территориально-географическим расположением Российской Федерации. Во-вторых, особым душевным складом характера народа, исторически воспринявшим не только западные, но и восточные традиции. В-третьих, позицией западных элит, не приемлющих Россию в одном с собой цивилизационном мире. Они относят нас к «чуждому Востоку» или сообществу, находящемуся вне рамок цивилизованного мира. О восприятии Западом Российской империи в виде чужеродного для себя культурно-цивилизационного образования писал русский мыслитель Н. Я. Данилевский [2, с. 50–51]. Такое отношение в несколько видоизмененной форме сохраняется до наших дней.

Возрождение исторической России в виде советской державы в определенной мере сказалось на позиции некоторых западных философов, на их признании за нашей страной права на цивилизационную самодостаточность. Немецкий философ Освальд Шпенглер, развивая концепт локальных цивилизаций, относил Россию–СССР к русско-сибирской культуре, а английский мыслитель Арнольд Тойнби — к православной христианской цивилизации, правда, не к основной, а ко вторичной. При этом многие западные авторы продолжали считать, что мы не соответствуем «цивилизационному миру». По их мнению, наше государство «не укладывается в общую цивилизационную схему» [3, с. 127, 132].

Не считал Россию и в целом Северо-Восток Евразии отдельной цивилизацией Сэмюэл Хантингтон. Схожую позицию занимает Ёсихиро Фукуяма. Не видел в постсоветских государствах, включая Россию, отдельного цивилизационного центра и американский социолог, сторонник мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн. По его мнению, Россия — полупериферия Европейского союза, куда она может быть инкорпорирована [4, с. 67]. И это действительно может произойти, если Россия и другие страны Северо-Востока Евразии не смогут преодолеть нынешнее состояние цивилизационного надлома путем возрождения интеграционных процессов.

Особенностью евразийского концепта является признание интегральности цивилизационного облика нашего Отечества. Классическое евразийство, будучи оригинальной научной концепцией, было разработано видными мыслителями — представителями российского зарубежья 1920–1930-х годов (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецким, Н. Н. Алексеевым, Г. В. Вернадским и др.). Хотя евразийство в идейном отношении не было однородным, однако оно не стало и эклектичным. При всем разнообразии оценок представителей данного учения была сохранена его системность. В этом движении были и знаковые фигуры, например отцы-основатели, крупные теоретики — *Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий*. Их оценки, выводы по праву могут рассматриваться как нормативные. Не случайно отдельные авторы образно называли этих мыслителей Марксом и Энгельсом евразийства.

Как системное учение классическое евразийство формировалось на основе идей, историческими корнями уходящих в конец XV — начало XVI в., когда Московская Русь утверждалась в качестве наследницы византийской культуры, нового

¹ Если в 2002 г. в пользу «европейской перспективы» в Российской Федерации высказывалось немногим более половины респондентов, то в 2009 г. — лишь 36 % при 45 %, разделявших евразийскую версию цивилизационной принадлежности страны [1, с. 174–175].

духовного центра. Для выстраивания державы, соответствующей этой миссии, необходимы были государственная мощь и сплоченность триединого общерусского народа (великорусского, украинского и белорусского) с другими этносами Северо-Востока Евразии.

В научном отношении генезис евразийских идей берет свое начало от воззрений русского консерватора С. С. Уварова и славянофилов. Некоторые современные специалисты по истории философии вполне обоснованно называют Уварова «первым предъевразийцем» [5, с. 174]. Он выступал против европеизации России, полагая, что она должна остаться русской по своему культурному стержню. Славянофилы и их лидер А. С. Хомяков видели историческое преимущество России перед Западом в особом добродушии нашего народа, в его духовной силе. Идейными предшественниками классических евразийцев были и некоторые представители таких направлений философской мысли, как почвенничество, русский космизм, экзистенциализм и др.

Основные идеи классических евразийцев были сформулированы в их программных материалах, одним из которых является коллективный манифест «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926). Некоторые современные авторы отрицают программный характер манифеста. Они утверждают, что эта работа специфична по отношению к первым пяти сборникам евразийцев и во многом является отражением надвигавшегося раскола внутри евразийства, произошедшего через год. Такой подход трудно принять. Во-первых, само название манифеста говорит об особой его роли, в котором дано именно системное изложение идей евразийства. Да и сам стиль, использование фраз «наши убеждения», «мы осознаем» свидетельствуют о коллективной, общей позиции представителей евразийского движения по базовым вопросам их учения. Во-вторых, важнейшие идеи этого документа вовсе не расходятся с сущностными положениями предыдущих коллективных сборников классических евразийцев. В-третьих, данный манифест можно было бы рассматривать как отражение надвигавшегося раскола, если бы составителями его были «кламарские раскольники» — П. П. Сувчинский, Д. П. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон. Однако, напротив, судя по архивным материалам (фонд П. Н. Савицкого), большая часть текста манифеста была подготовлена Савицким, который оставался последовательным сторонником изначальных идей евразийского концепта. В-четвертых, публикация программного документа классического евразийства в 1926 г. вполне объяснима. Ведь незадолго до этого, в конце 1924 г., состоялось организационное оформление евразийского движения, когда на совещании в Вене был создан его руководящий орган — Высший евразийский совет во главе с князем Н. С. Трубецким. А раскол в движении, распад данного совета произошел почти через два года после написания манифеста, в конце 1928 г.

В манифесте «Евразийство. Опыт систематического изложения» была подтверждена идея особой цивилизационной судьбы России. «Весь смысл и пафос наших утверждений, — отмечалось там, — сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта» [6, с. 33]. Евразийцы полагали, что цивилизация исторической России представляет собой самодостаточный культурный мир. Как писал П. Н. Савицкий, Россия-Евразия составляет равноправный Европе целый «континент в себе» [7, с. 137].

Доктрина евразийства охватывает такие сферы научного знания, как философия, социология, культурология, история, геополитика, этнография, правове­дение, лингвистика и др. К числу *важных идей классиков евразийства* можно отнести: суждение о евразийской «симфонической личности», свободном культурном творчестве, сочетающим общемировое наследие с культурной суверенностью каждого этноса; идею общеевразийского национализма (сопряжение национального чувства каждого этноса с общим евразийским меганациональным самопознанием); вывод о наличии промысла Божьего в исторической судьбе нашего супер­этноса; суждение о существенной роли социальной справедливости в общественном устройстве и др.

В концепции евразийства особое место занимает проблема взаимодействия культурных начал Востока и Запада. Она получила содержательное наполнение в идее «*симфонической личности*», в которой общемировое, евразийское культурное наследие сочетается с культурной суверенностью каждого этноса. Евразийская культура не относится ни к Западу, ни к Востоку, не являясь суммой или механическим сочетанием данных культур. Как записано в программном документе классических евразийцев, она совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатская [6, с. 48]. Евразийская культура сложилась и развивалась на основе взаимного уважения и творчества культур различных народов нашей цивилизационной общности. Благодаря этому не только не нарушалась, а укреплялась культурная самобытность каждого евразийского этноса.

Триединая русская (великорусская, украинская и белорусская) культура выступает в некотором роде мостом-соединителем, расширяющим возможности взаимного влияния всех национальных культур Северо-Востока Евразии. *Общечеловеческая миссия евразийской цивилизации заключается в примирении Запада и Востока, их культурных традиций.*

В отличие от западного самосознания (европоцентризма, американоцентризма), ратующего за свою универсальность и исключительность, евразийский подход отстаивает принцип самобытности, уважения ко всем культурам, без попыток навязывания чьего-либо культурного превосходства. *Евразийский тип культуры* — это наличие мощного духовного начала, которое противостоит тенденции разделения, атомизации людей с помощью насаждения индивидуалистских приоритетов. Напротив, евразийская культура своей устремленностью к духовному восприятию личности и окружающего мира усиливает объединяющее, солидарное начало жизни как условие для созидания и гармоничного развития.

Важный вклад в разработку историко-культурологической теории евразийства внес сын выдающегося ученого-естествоиспытателя В. И. Вернадского, историк Георгий Вернадский. По его убеждению, евразийский цивилизационный континент сложился на основе *вовсе не внешнего принуждения, а свободного культурного творчества*. «Стихийный исторический процесс, — писал в 1927 г. ученый, — сплотил и продолжает сплачивать все больше племен и народностей Евразии в единое культурное целое... Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил. Русский народ должен неослабно проявлять в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии» [8, с. 218]. Однако в конце XX в. наш народ по

ряду причин оказался во многом цивилизационно дезориентирован и творчески ослаблен. Без восстановления его удерживающего, интегрирующего положения на территории Северо-Востока Евразии проблематично и возрождение Российской Федерации. Близкую к этому мысль высказывал известный последователь классических евразийцев, этноисторик Л. Н. Гумилев: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» [9, с. 31].

Классические евразийцы с уважением относились к национальной России, к национальному самопознанию триединого русского и других народов Северо-Востока Евразии. При этом они говорили о необходимости межнационального самопознания евразийского суперэтнуса, именуя его *общеевразийским национализмом* (т. е. синтезом и гармонией национальных особенностей евразийских этносов). Не какой-либо один народ, включая великорусский, а лишь общность народов, населяющих Россию-Евразию, могла стать национальным субстратом, собственником всей территории государства. Эта совокупность этносов и есть *евразийская многонародная нация*. По Трубецкому, каждому гражданину евразийского государства необходимо было осознать, что он принадлежит не только к определенному народу-этносу, но и к евразийской нации. «Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации, — продолжал он, — способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [10, с. 30]. Во многом слова эти оказались пророческими.

Некоторые представители русской эмигрантской интеллигенции, включая и тех, кто сотрудничал с евразийцами, публиковался в их изданиях (философ Г. П. Федотов² и др.), критически относились к идее общеевразийского национализма. Они полагали, что таким образом размывается этнический стержень прежней России — великорусский национализм. «Россия, — писал Федотов, — становится географическим и этнографическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой. Одни — интернационалисты, которым ничего не говорят русские национальные традиции; другие — вчерашние патриоты, которые отрекаются от самого существенного завета этой традиции — от противостояния исламу, от противления Чингисхану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своих грез. В обоих случаях Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [11, с. 13–14].

Вступая в полемику с Федотовым и авторами, занимающими по данному вопросу схожие с ним позиции, Н. С. Трубецкой писал, что для них евразийцы являются изменниками, потому что понятие «Россия» заменили понятием «Евразия». «Они, — продолжал Трубецкой, — не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту “замену”, не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы “возродить”, реально возможна только при отделении всех “окраин”, т. е. — в границах этнографической Великороссии» [10, с. 30]. Это пре-

² Г. П. Федотов хотя и сотрудничал с некоторыми печатными изданиями евразийцев, но не разделял многие их взгляды, став одним из критиков евразийства по вопросам оценки революции 1917 г., идеи русского мессианства, идеи идеократического государственного устройства и др.

достережение ученого до сих пор должным образом не осмыслено в современной России.

Классические евразийцы полагали, что в *цивилизационной судьбе нашего народа имеется промысел Божий*. Заключается он и в том, чтобы обеспечить необходимый для сохранения мира баланс сил на планете. Религиозный характер мировоззренческого восприятия являлся одним из важнейших компонентов классического евразийства. Не случайно после кламарского раскола, когда редакция газеты «Евразия» вместе с группой П. П. Сувчинского стали занимать леворадикальные позиции, лидер евразийства Н. С. Трубецкой заявил о невозможности для себя оставаться в таком движении. При этом Николай Сергеевич мотивировал свой поступок тем, что позиция редакции и обновленческой группы евразийства не имеет ничего общего с православно-церковным его содержанием.

Суждение исторических евразийцев о наличии божественных, мистических факторов, удерживающих цивилизационный мир Северо-Востока Евразии, разделяют и некоторые современные философы. Так, один из популяризаторов классического евразийства А. Г. Дугин³ писал по этому поводу, что Россия — «особый мир, континент, не схватываемый в нормальных категориях, уникальные земли, избранные Божественным провидением для какой-то невероятно важной всечеловеческой миссии» [12, с. 443].

Для крупных теоретиков евразийства было очевидным не только наличие духовно-культурного единения народов Севера-Востока Евразии, но и *их особая устремленность к справедливости*. Философ и правовед Н. Н. Алексеев полагал, что без обеспечения этого принципа в нашем Отечестве нельзя выстроить эффективной системы управления. В труде «Русский народ и государство» он видел жизненность евразийской государственности в сочетании «твердой власти, народоправства и служения социальной правде» [13, с. 116].

С цивилизационным подтекстом воспринимал принцип народной правды князь Трубецкой. По его мнению, устойчивое обеспечение равных возможностей для различных слоев общества в получении материальных и иных благ возможно путем пресечения эксплуататорского господства международного капитала. Он полагал, что целью России должно быть «прекращение его эксплуататорского властвования над “нецивилизованными” или “полуцивилизованными” странами» [14, с. 289]. Теоретик евразийства считал, что целью грядущего евразийского государства станет «благо совокупности народов», населяющих его. А для этого предстоит упразднить какое-либо вмешательство со стороны частного капитала в политическую, хозяйственную и культурную жизнь. Поэтому, по мнению Н. С. Трубецкого, такое государство неизбежно будет «до известной степени социалистическим» [15, с. 519].

³ А. Г. Дугин еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов был составителем и автором послесловий, предисловий к сборникам трудов видных классиков евразийства: П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского и др. При этом он являлся разработчиком неоевразийства — учения, близкого по названию, но по содержанию отличного от исторического евразийства. Дугин выдвинул проект возрождения единой Евразии от Дублина до Владивостока. Однако такой проект, во-первых, противоречил геополитическому видению классических евразийцев, во-вторых, подменял культурно-цивилизационную специфику ареала Северо-Востока Евразии материковым характером всей Евразии, состоящей исторически из нескольких цивилизационных образований.

Видный идеолог классического евразийства П. Н. Савицкий социальную справедливость воспринимал как принцип «общего дела» на благо народа. Он утверждал, что основным экономическим субъектом реализации этого принципа должна быть преобладающая государственная собственность при разумном ее сочетании с частным сектором. Социальные же приоритеты в обществе будут обеспечиваться с помощью «возобладания планового хозяйства». Как считал Савицкий, плановое начало на религиозно-духовном уровне вносит «космический лад в хаос отдельных, на этот раз экономических фактов» [16, с. 105].

Анализ концепции классических евразийцев будет неполным без рассмотрения их *прогнозных суждений*. Н. С. Трубецкой предвидел не только вероятность распада нашей великой евразийской державы, но и возможность реставрации капитализма в постсоветскую эпоху. По его мнению, в таком случае страны Запада добьются прихода лояльного им правительства, членов которого будут принимать у себя с почестями, говорить обнадеживающие слова. Но при этом России не будут предоставлены ни значимые инвестиции в экономику, ни современные технологии, ни равные возможности для товаров на их рынках. Он полагал, что страна наша с внешней стороны сохранит свою независимость, но правительство ее будет лишь фиктивно самостоятельным и в то же время станет, «несомненно, чрезвычайно либеральным» [17, с. 337]. Николай Сергеевич предсказал и частичную утрату постсоветской Россией реального суверенитета.

Схожие прогнозные мысли высказывал и классик евразийства Н. Н. Алексеев. Он писал, что изначально возвращение капитализма будет воспринято многими с удовлетворением. Но со временем надежды и иллюзии станут уходить. Триедный русский народ по своей сути правдоискатель, поэтому широкие его слои не станут «трезвыми позитивистами». «Русский народ, — продолжал он, — примет капиталистическую систему условно, не веря в нее и не считая ее праведной» [18, с. 315]. По его мнению, многие наши граждане в той ситуации станут жить, не задумываясь о высоких смыслах. Однако значительная, лучшая часть народа «всегда будет искать правду», отвергая ложь, лицемерие и несправедливость.

Признавая сильные стороны классического евразийства, нужно видеть и *некоторые противоречия, ошибочные подходы*, свойственные этому учению. Евразийцы создавали свою концепцию, опираясь на реалии российской действительности первой трети XX в. И вполне естественно, что оценки давали применительно к той эпохе. Поэтому некоторые их выводы и положения оказались неточными, включая суждение об абсолютизации роли государства в будущей России.

Во многом сомнительной была евразийская теория «потенциального православия». Как писал философ-богослов, в прошлом единомышленник классических евразийцев Г. В. Флоровский, по этой теории ислам, буддизм и сохранявшееся язычество должны были стать религиозным резервом для усиления и расширения православия [19, с. 333, 336]. Реализация такого подхода привела бы к ослаблению духовной синергии и появлению межконфессиональных противоречий на территории Северо-Востока Евразии.

Категоричным был и довод П. Н. Савицкого о неприемлемости для России «безрелигиозной государственной власти» [20, с. 364]. Данное требование может быть принято лишь в обществе с преобладанием религиозных, церковных людей. Тогда же оно не было таким. Кстати, не является им оно и сегодня. Кроме того,

нужно учитывать факт наличия немалого числа атеистов, среди которых имеются нравственные и образованные люди. Что же с ними делать? Получалось так, что их пришлось бы административно-приказным путем изгонять из власти.

К отдельным суждениям евразийцев нужно относиться диалектически, учитывая и их более поздние оценки. Примером здесь может служить довод о восприятии России преемницей государства Чингисхана [14, с. 237]. Так, П. Н. Савицкий во второй половине 1950-х годов признавал, что в культурном отношении Россия была преемницей не только державы Чингисхана, но и Киевско-Новгородско-Суздальской Руси [21, с. 227].

В современном научном дискурсе о евразийцах распространенным тезисом является положение об их антизападной сущности. Однако не следует спешить характеризовать классиков евразийства как «воинственных антизападников». Действительно, некоторые из них в пылу полемики допускали резкие высказывания в адрес Запада. Например, Н. С. Трубецкой писал о «ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников — романогерманцев», об «эгоцентризме, проникшем всю их пресловутую “цивилизацию”» [22, с. 85]. Но эти фразы не нужно абсолютизировать. Во-первых, свои суждения Трубецкой относил не к романогерманцам как представителям широких слоев народа Западной Европы, а к влиятельной части их политической и интеллектуальной элиты, стремившейся занизить роль нашей страны в мировой истории и культуре. Его эмоциональные выпады были направлены именно в ее адрес. Во-вторых, тот же Трубецкой полагал, что в культуре европейских народов накоплен и положительный опыт, который может быть ценным для России. В уважительном тоне выдержан и программный документ «Евразийство. Опыт систематического изложения». Там было прямо записано, что Россия «не должна враждебно замыкаться в себе от Европы» [6, с. 65]. Поэтому несправедлив довод о том, что евразийцы были оголтелыми антизападниками. *Евразийство — не враждебная Западу, а иная, незападная концепция цивилизационной идентичности нашего большого Отечества.*

Некоторые современные авторы утверждают, что «одним из базовых дискурсов евразийского проекта являлось обращение Н. С. Трубецкого к великорусской традиции» [23]. Такой довод трудно принять. Во-первых, к базовым дискурсам правомернее все же отнести другие суждения Николая Сергеевича: о евразийском мире как самодостаточной, отличной от Европы и Азии цивилизации; о сопряжении восточного славянства и туранства как основного фактора русской истории; об укреплении религиозной стихии как средства возрождения духовного начала в обществе и др. Во-вторых, Трубецкой в своих трудах обращался преимущественно не к великорусской, а к общерусской традиции, которая включала в себя также украинский и белорусский компоненты. Без такого единения он не видел гармоничного самопознания каждого из восточнославянских народов, исторически проживающих в комплементарной общности с другими этносами Северо-Востока Евразии. «Для украинцев, — продолжал Трубецкой, — это прежде всего сознание того, что они не только украинцы, но и русские и не только русские, но и украинцы, что “русского” вне “украинского” — нет, ибо русская нация-личность реально существует не вне, а только в своих индивидуациях — великорусской, украинской, белорусской и т. д.» [24, с. 471]. Такой подход приобретает особую актуальность сегодня, когда продолжают массированные ин-

формационные, когнитивные и иные действия по цивилизационному противопоставлению русских и украинцев.

В заключение следует отметить, что евразийские классики внесли большой вклад в развитие цивилизационной теории. Им удалось заложить основы научной концепции культурной идентичности России, ее самобытности. На основе анализа концепта классического евразийства правомерно выделить некоторые обобщающие положения.

Во-первых, классические евразийцы разработали целостную концепцию цивилизационной идентичности России, которая включала в себя оригинальные идеи (восприятие России-Евразии как цивилизационного континента, равноправного Европе; идею общеевразийского национализма; суждение о евразийской «симфонической личности» как свободном культурном творчестве; мысль о наличии Божьего промысла в исторической судьбе России-Евразии и др.).

Во-вторых, в учении классических евразийцев были противоречивые и ошибочные суждения (идея абсолютизации роли государства в жизни общества; теория «потенциального православия» и др.).

В-третьих, классическое евразийство не враждебно Западу, а является иным, незападным вариантом цивилизационного развития России-Евразии.

В-четвертых, творческое осмысление наследия классиков евразийства необходимо для выработки социального проекта культурно-цивилизационного возрождения России и всего ареала Северо-Востока Евразии. Ведь для формирования конкурентоспособной многоотраслевой экономики требуется внутренний рынок, равный примерно 200–250 млн человек [25]. Лишь такая его емкость потребления позволит иметь самодостаточную, востребованную для инноваций и современных технологий экономику высоких переделов.

Евразийская интеграция сегодня стопорится не только из-за разногласий политического и экономического характера, но и по причине отсутствия большой консолидирующей идеи. Для ее выработки важным теоретическим подспорьем мог бы стать концепт классического евразийства. Его творческое осмысление приобретает особую актуальность в условиях серьезных геополитических вызовов, вставших перед Российской Федерацией и другими странами СНГ.

Новый евразийский проект помог бы преодолеть цивилизационную дезориентацию значительной части нашего народа, подвигнуть большинство населения страны на созидательный вектор развития и обеспечение принципа социальной справедливости. Это необходимо для того, чтобы сплотить общество и добиться не имитационного, а подлинного возрождения Отечества.

Литература

1. Андреев, А. Л. (2010), Место России в мире: Европа или Евразия? *Мониторинг общественного мнения*, № 1, с. 122–133.
2. Данилевский, Н. А. (1991), *Россия и Европа*, М.: Книга.
3. Bagby, Ph. (1963), *Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations*, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
4. Валлерстайн, И. (2004), *Конец знакомого мира: Социология XXI века*, пер. с англ. и ред. Иноземцев, В. И., М.: Логос.
5. Маслин, М. А. (2019), У истоков евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество», *Философский журнал*, т. 12, № 4, с. 161–178.

6. *Евразийство. Опыт систематического изложения* (1926), Париж; Берлин: Евразийское книгоизд-во.
7. Савицкий, П. Н. (1997), *Континент Евразия*, М.: Аграф.
8. Вернадский, Г. В. (1996), Начертания русской истории, в *Очерк русской философии истории. Антология*, ред.-сост. Новикова, Л. Н., Сиземская, И. Н., М.: Ин-т философии РАН, с. 198–218.
9. Гумилев, Л. Н. (1993), *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*, предисл. Лавров, С. Б., М.: Экспресс.
10. Трубецкой, Н. С. (1927), Общеевразийский национализм, в *Евразийская хроника*, ред. Савицкий, П. Н., вып. IX, Париж, с. 24–31.
11. Федотов, Г. П. (1929), Будет ли существовать Россия? *Вестник Р. С. Х. Д.*, Париж, № 1–2, с. 13–21.
12. Дугин, А. Г. (1997), Евразийский триумф. Послесловие, в Савицкий, П. Н., *Континент Евразия*, М.: Аграф, с. 433–453.
13. Алексеев, Н. Н. (1998), *Русский народ и государство*, М.: Аграф.
14. Трубецкой, Н. С. (2000), Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока, в Трубецкой Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 223–292.
15. Трубецкой, Н. С. (2000), Об идее-правительнице идеократического государства, в Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 518–525.
16. Савицкий, П. Н. (1997), Евразийство как исторический замысел, в Савицкий, П. Н., *Континент Евразия*, М.: Аграф, с. 98–112.
17. Трубецкой, Н. С. (2000), О туранском элементе в русской культуре, в Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 136–162.
18. Алексеев, Н. Н. (1998), На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности), в Алексеев, Н. Н., *Русский народ и государство*, М.: Аграф, с. 283–373.
19. Флоровский, Г. В. (1994), Евразийский соблазн, в *Русская идея. В кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья: в 2 т.*, редкол.: А. Я. Зись (предс.) [и др.], т. 1, М.: Искусство, с. 314–342.
20. Савицкий, П. Н. (2002), Евразийство, в *Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей*, сост. Васильев, Е. А., предисл. Гулыга, А. В., М.: Айрис-пресс, с. 352–371.
21. Савицкий, П. Н. (1993), Письма Л. Н. Гумилеву, в Гумилев, Л. Н., *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*, предисл. Лавров, С. Б., М.: Экспресс, с. 227–228.
22. Трубецкой, Н. С. (2000), Европа и человечество, в Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 29–90.
23. Зарифуллин, П. (2015), *Славяно-тюркский симбиоз как основа евразийской государственности XXI века. Из выступления на Шалкарском евразийском этнополитическом форуме (г. Уральск)*, ноябрь 2015 г. URL: <https://www.gumilev-center.ru/slavyano-tyurkskij-simbioz-kak-osnova-evrazijskoj-gosudarstvennosti-xxi-veka/> (дата обращения: 12.09.2019).
24. Трубецкой, Н. С. (2000), Ответ Д. И. Дорошенко, в Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 456–471.
25. *Ресурсы или рынки сбыта, что важнее?*, ч. 2, 19 марта 2015 г. URL: <https://aftershock.news/?q=node/295756&full> (дата обращения: 26.11.2020).

Статья поступила в редакцию 30 мая 2020 г.;
рекомендована в печать 10 марта 2021 г.

Контактная информация:

Циткилов Петр Яковлевич — д-р ист. наук, проф.; petrcitkilov@yandex.ru

Classical Eurasians on the civilizational identity of Russia

P. Ya. Tsitkilov

Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

For citation: Tsitkilov P. Ya. Classical Eurasians on the civilizational identity of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 2, pp. 256–267.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.206> (In Russian)

Philosophical and world outlook understanding of the problem of civilizational identity of Russia acquires special relevance in connection with the preservation of the Eurasian civilizational breakdown that arose at the end of the 20th century. To prepare a new civilization project, it is important to use the theoretical legacy of prominent Russian thinkers, including the classics of Eurasianism. The purpose of the article is an objective analysis of classical Eurasianism, the comprehension of its most important provisions, taking into account the modern realities of Russian society. Using historical and philosophical methodology, critical analysis, methodology of civilizational theories, the author of the article substantiates the conclusion about the scientific significance of the Eurasian concept of civilizational identity of Russia. Its components are examined in a systematic form, such as the perception of Russia-Eurasia as a whole civilizational continent of an equal Europe, the idea of a “symphonic personality” in Eurasian culture, the idea of pan-European nationalism, the idea of establishing social justice, the provision on strengthening the religious element to strengthen the spiritual principle, etc. The article provides a critical analysis of some judgments of historical Eurasians, including their idea of absolutizing the role of the state, the theory of “potential Orthodoxy”, etc. An important conclusion of the article is the provision that Eurasianism is not a teaching hostile to the West, but a different non-Western scientific perception of the historical fate and civilizational development of Russia. Concrete examples substantiate the claim that it is necessary to distinguish fair criticism of classical Eurasianism from its simplified and largely biased assessments. The author of the article concludes that understanding the heritage of the classics of Eurasianism is necessary to develop a social project for the cultural and civilizational revival of the Russian Federation and the entire area of Northeast Eurasia.

Keywords: historical Russia, Northeast Eurasia, classical Eurasians, civilizational identity, Eurasian concept.

References

1. Andreev, A.L. (2010), Russia's place in the world: Europe or Eurasia?, *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 1, pp. 122–133. (In Russian)
2. Danilevsky, N. A. (1991), *Russia and Europe*, Moscow: Book Publ. (In Russian)
3. Bagby, Ph. (1963), *Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
4. Wallerstein, I. (2004), *The end of the familiar world: Sociology of the XXI century*, transl. and ed. by Inozemtsev, V.I., Moscow: Logos Publ. (In Russian)
5. Maslin, M.A. (2019), At the origins of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of the book of Prince Nikolai Trubetskoy “Europe and Humanity”, *Filosofskii zhurnal*, vol. 12, no. 4, pp. 161–178. (In Russian)
6. *Eurasianism. The experience of systematic presentation* (1926), Paris; Berlin: Eurasian Book Publishing.
7. Savitsky, P.N. (1997), *Continent Eurasia*. Moscow: Agraf Publ. (In Russian)
8. Vernadsky, G.V. (1996), The Inscriptions of Russian History, in Novikova, L.N., Sizemskaya, I.N. (eds), *Ocherk russkoi filosofii istorii. Antologiya*, Moscow: Institut filosofii RAN Publ., pp. 198–218. (In Russian)
9. Gumilev, L. N. (1993), *The rhythms of Eurasia: era and civilization*, foreword by Lavrov, S. B., Moscow: Ekopros Publ. (In Russian)
10. Trubetskoy, N.S. (1927), Pan-Eurasian nationalism, *Evraziiskaia khronika*, ed. by Savitsky, P.N., iss. IX, Paris, pp. 24–31.
11. Fedotov, G.P. (1929), Will Russia exist?, *Vestnik R. S. Kh. D*, Paris, no. 1–2, pp. 13–21.
12. Dugin, A. G. (1997), Eurasian triumph, afterword, in Savitsky, P.N., *Kontinent Evraziia*, Moscow: Agraf Publ., pp. 433–453. (In Russian)
13. Alekseev, N.N. (1998), *Russian people and the state*, Moscow: Agraf Publ. (In Russian)
14. Trubetskoy, N.S. (2000), A look at Russian history not from the West, but from the East, in Trubetskoy, N.S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 223–292. (In Russian)
15. Trubetskoy, N.S. (2000), About the idea of the ruler of an ideocratic state, in Trubetskoy, N.S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 518–525. (In Russian)

16. Savitsky, P.N. (1997), Eurasianism as a historical plan, in Savitsky, P.N., *Kontinent Evraziia*, Moscow: Agraf Publ., pp. 98–112. (In Russian)
17. Trubetskoy, N.S. (2000), About the Turanian element in Russian culture, in Trubetskoy, N.S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 136–162. (In Russian)
18. Alekseev, N.N. (1998), On the paths to the future of Russia (the Soviet system and its political opportunities), in Alekseev, N.N., *Russkii narod i gosudarstvo*, Moscow: Agraf Publ., pp. 283–373. (In Russian)
19. Florovsky, G.V. (1994), Eurasian temptation, *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei Russkogo zarubezh'ia*, in 2 vols., editorial note: prev. A.Ya. Zis [et al.], vol. 1, Moscow: Art Publ., pp. 314–342. (In Russian)
20. Savitsky, P.N. (2002), Eurasianism, *Russkaia ideia: Sbornik proizvedenii russkikh myslitelei*, comp. by Vasiliev, E. A., preface by Gulyga, A. V., Moscow: Airis-press Publ., pp. 352–371. (In Russian)
21. Savitsky, P.N. (1993), Letters to L.N. Gumilev, in Gumilev, L.N., *The rhythms of Eurasia: era and civilization*, foreword by Lavrov, S.B., Moscow: Ekopros Publ., pp. 227–228. (In Russian)
22. Trubetskoy, N.S. (2000), Europe and humanity, in Trubetskoy, N.S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 29–90. (In Russian)
23. Zarifullin, P. (2015), *Slavic-Turkic symbiosis as the basis of Eurasian statehood 21st century, From a speech at the Shalkar Eurasian Ethnopolitical Forum (Uralsk), November*. Available at: <https://www.gumilev-center.ru/slavyano-tyurkskijj-simbioz-kak-osnova-evrazijskojj-gosudarstvennosti-xxi-veka/> (accessed: 12.09.2019). (In Russian)
24. Trubetskoy, N.S. (2000), Answer to D.I. Doroshenko, in Trubetskoy, N.S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 456–471. (In Russian)
25. *Resources or sales markets, which is more important?* (2015), Part 2, March 19. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/295756&full> (accessed: 26.11.2020). (In Russian)

Received: May 30, 2020
Accepted: March 10, 2021

Author's information:

Peter Ya. Tsitkilov — Dr. Sci. in History, Professor; petrcitkilov@yandex.ru